

Николай Бондаренко

ГРАНЕНИЕ СОЛНЦА

Дума о скорости жизни

Санкт-Петербург
2005

Николай Алексеевич Бондаренко родился в 1938 году в Ташкенте в семье авиаторов. После окончания Ташкентского госуниверситета работал школьным учителем, в журнале «Русский язык в узбекской школе», издательствах. Выпустил ряд книг, в том числе поэтические – «Солнце в ромашках» и «Крылья».

В Санкт-Петербурге – с 1987 года. Издал сборники стихотворений «Рваное облако» (1991), «Ветер времени» (2001), «Последний хадж из Петербурга в Апраксино» (2003).

Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

Издательство “Четверг”

198215, Санкт-Петербург, а/я 151

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии НИИХ
СПбГУ. 198504, Санкт-Петербург, Старый Петергоф,
Университетский пр., 2

«...за эти две секунды не только квадриллион, но квадриллион квадриллионов пройти можно, да ещё возвысив в квадриллионную степень!»

*

«...бриллиант-то уж очень драгоценен; одна ведь такая душа стоит иной раз целого созвездия – у нас ведь своя арифметика. Победа-то драгоценна!»

*Ф.М. Достоевский.
«Братья Карамазовы»*

I. УРОК ФИЗИКИ

Мне приснилось: сижу за громоздкой ободранной партой (такие торчат в кинофильмах, снятых полвека назад, да в памяти старцев), и наша физичка – высокая, строгая, умная – на черной, как бездна, доске хрупким мелом скрипит. «Запомните формулу, – голос физички звучит так щемяще. – Всего только скорость! Но знайте: она для любого землянина, для всего человечества слишком важна. Пишем: v – это скорость, s – пройденный путь, t – время в пути. Итак, $v=s/t$.

Я дерзко подумал: «Эге, для всего человечества? Чистые враки!» Физичка ко мне наклонилась, будто что услышала, и внятно для всех повторила: «Всего только скорость. Но вникните в смысл».

Ну да, соглашаюсь, ведь люди идут, и летят, и едут куда кому надо, кто – медленно, кто – побыстрее. И сам-то я скорость люблю, как моя знаменитая мама – летал же я с нею в открытой кабине на двукрылом По-2! В полете заметил я: скорость с большой высоты не увидишь – земля чуть заметно плывёт под тобой, уставшие пашни, каналы, сады, развалясь, отдыхают. Но вот приземленье – зеленый ковер под крылом замелькал – всё быстрее, быстрее! Ага, вот где пряталась скорость: в движении бешеном стерлись трава и цветы. Колёса коснулись неровной посадочной тверди, мотор зачихал и оглох, – скорость кончилась, скорости нет...

«Подходящий пример, – согласилась физичка. – Однако на нашей планете другая есть скорость. Ей вовсе не важно – летит самолет или мирно в ангаре стоит. Эта скорость значительней скорости звука и света. Ну-ка, шустрый, понятливый мой ученик, отгадай!»

Отвечаю, как будто всю вечность свою наукой движения занял: «*Скорость жизни* над всем! Мы живем на огромном космическом теле, вращаемся с ним, скорость жизни по этой причине может быть

- угловой*. Но никто из живущих косою движенья не чует и не видит, как вместе с планетой летит».
- «А теперь мне скажи, что ты знаешь о скорости жизни одного человека?»
- «То, что формула знает, знаю и я. С точки зрения физики, s человека – отрезок в пути кругосветном планеты – от часа рождения homo до часа конца, а t – годы прожитой жизни».
- «Что ж, остался последний, самый трудный вопрос: как узнать скорость жизни всего человечества, всех на свете людей – и оставшихся в прошлом, и ныне живущих, и тех, кто на смену ушедшим придёт?»
- «Если знаешь природные свойства одного человека, то же самое знаешь о массе людей. Но если известно, что было начало, то путь человечества (s) и годы в пути (бесконечное t) не имеют конца. Но t бесконечное может случайно прерваться, поскольку законы общественной жизни – вне физики тела, и мысль человечества остро тоскует по зрелой душе».
- «Отметок не ставлю. И боль, и тревогу твою понимаю... Признайся, ты прячешься? Сколько годочков тебе?»
- «Не чувствую точно. И молод, и стар я... Одно для меня очевидно: я давно поседел».
- «Это скорость! – Физичка ко мне наклонилась и внятно для всех повторила: – Всего только скорость. Но вникните в смысл!»

2. СКВОЗЬ КЛОЧЬЯ ВОЙНЫ

Жизнь летит, и на скорости трудно во тьме за собой разглядеть неизвестную древность. Мы читаем о ней, верим пылким актерам, проникаем в легенды, в истлевшие свитки. Стережём уцелевшие зубья дворцов, саркофаги, петроглифы, но душа человека – живая и теплая – растворилась бесследно во мгле.

Что, к примеру, расскажут о людях поры Искандера Двурогого* в старом Ургуте** великаны-платаны? В опалённую землю вживили их, если верить преданию, пришлые воины. Повелел Александр? Возжелал о великом себе необычную память? Или злая тоска по родному порогу вконец извела копьеносцев, и они запалили зеленое пламя костров?

Может быть, так и было, и души суровых людей, присмирив, трепетали. Но, увы, за безмолвьем веков не заметить живого лица. Как в степи, на старинном холме, оплетенном полынью, ничего не узнать о полёгших воителях прошлого, чьи могучие кости вперемешку с мечами под курганом молчат. Можно ясно представить на пыльной дороге в степи удалую дружину, и грозного князя, и летучие схватки, и тяжкие битвы, и веси

* Александр Македонский.

** Посёлок в Узбекистане.

в пожарах, но древнейшую душу в погашенных
временем далях – как её разглядеть?

Видишь, начал я речь о далекой, исчезнувшей древности, а скатился к сражениям, к войне, что во всех нас, во все времена, незаметным проклятием засела. И куда ни взгляни – даже если и сгинули напрочь приметы кровавых побоищ, мысль – о них, и глухая тревога – от них.

Ближе нам и понятнее то, что познали мы сами, за свою быстротечную бытность. Ну а много ли помним и много ли знаем о том, что случилось? Больше помнят и знают солдаты. Вместе с ними и те, кто в глубоком военном тылу проклинал бесполезное детство: «Почему я не там?..» Мальшовским умом постигая секреты победы, рисовал я пехоту и танки, пулемёты и ружья, из пушек стрелял. Краснозвёздные наши бойцы без умолку кричали «ура!» и лупили фашистов, а отец в самолёте пикировал ловко и бомбы бросал. Мы громили врага, торопились к Берлину. Ну-ка, нашего тронь! – не получится фокус: нас, советских, свинцовым огнем не возьмешь!

Расплывалась реальность: не знал я – герои войны слишком близко – на орущем базаре, в любом переулке, на каждом углу. То, что прыгало в ярости, пело, просило, ругалось свирепо, было страшным до слёз. Величавую мысль об отважных, бессмертных героях убивали костыль и ко-

рявая палка-подпорка, расклешенные красные культы и особенный, въедливый грохот самодельных тележек безногих калек.

А когда мой отец, неведимый и сильный, однажды вернулся, я запрыгал как мячик в самой громкой веселой игре. Только жаль – оставались минутные радости в прошлом, скорость жизни стирала их важность и четкость, и несла к неизвестным событиям, людям – уводила, казалось, всё дальше и дальше от жуткой войны.

От войны уводила, конечно, всё дальше, но жестокость военной поры отставать не спешила: раздевала прохожих, ломала ночами решётки на окнах, убивала ни в чем не повинных людей.

Оглянусь и увижу: в кустах пацаны разыгрались в войну. Вдруг все разом на вопли бежать подхватились – на мощёной дороге ревела, металась толпа. Втерся я в кутерьму и невольно закрылся руками: на камнях побуревших и мокрых, на истерзанном грязном тряпье бессильно ворочалась голая женщина, и сосками кровавыми в лужицы тыкалась грузная грудь. Не могло беззащитное тело убежать, уползти от сапог и ботинок с прицельными злыми носами – налетали они, как стервятники, с разных сторон. «Бей воровку! – истошно орали. – Будет знать, как чужое белье воровать!»

Еле выбрался я под тычками разгневанных дядек, ничего не пойму: «Мы же лучшие люди! Почему, поче-

му у неё не спросили?.. Может, голод заставил несчастную тетеньку что-то украсть! Накормили бы бедную, и добром и вниманием согрели бы души свои, а чужой, незнакомой душе помогли устоять...»

До сих пор возвращается болью глумление толпы над своей же бедою, – не могу изуверство списать на голодные дни. И еще не могу я – поживший, седой – объяснить ни войной, ни военной отвагой легкомысленный, дерзкий поступок героя сражений – за победной чертой...

Я фамилию помню: Арефьев! Красавец Арефьев! Золотая Звезда на груди всепобедно сверкала! Он являлся, как Бог, на зеленое летное поле, где поодаль тайком пацаны копошились в технических свалках, а девчонки вплетали в косички цветки-огоньки. Звал Арефьев ребят покататься на двух безотказных моторах; мы не верили счастьем, торопились, по скользким железным ступенькам поднимались в гремящий Ли-2, и кружили, кружили над замершим городом выше самых бесстрашных орлов.

Но однажды на улице взвыли пронзительно медные трубы, в плач похоронный стал грома вбивать барабан. Что случилось? Кто умер? Бегу в суматохе к машине, покрытой коврами, и вижу: на бархатных красных подушечках спят ордена... Ого, Золотая Звезда пятигранно сверкнула! Да кто же из самых отважных героев ушёл на тот свет?

Арефьев!.. Не верить бы страшному горю, да вот же – огромный, смеющийся, в траурных лентах портрет! Рыдающий марш через город ушёл на кладбище, и я в гробовой тишине услышал разговор: Арефьева пуля сразила! Но если б на фронте... Ревнивый кавказец приехал, два дня выжидал и выстрелил летчику в грудь. За что? Да за то, что Арефьев его дорогую супругу увёл... А женщину эту, любимую то есть жену, ревнивец ножом исколол...

Зачем, я не верил, герою чужая жена? Он защитник земель и народов, надежды и радости, прочного счастья (я слышал по радио!) каждой советской семьи! Разглядеть бы получше бесстрашную душу, ответить на трудный и, может быть, самый коварный вопрос! Но поздно. Погиб человек, и во тьме, вместе с ним, схоронилось и сердце его...

Я вырослел; мои старшие друзья-бойцы, веря в завтрашний день, ничего объяснить не умели – их войной омраченные души стремились назад. Бывший мой незабвенный коллега в Дурменском мактабе* муалим** Хакбердыев, не шутя, говорил: ночью он, как шайтан, улетает к немецким окопам и вгрызается в насыпь саперной лопаткой – ищет руку свою: он её потерял где-то там, под крошечным огнём. Тимофей Нович-

*Мактаб (узб.) – школа.

ков, прирожденный художник, не любил о боях вспоминать, а когда отвечал на вопрос, добавлял, чертыхнувшись; «О, как мы в наступленьях бывали жестоки, похлеще врагов!» Самый близкий, особенный друг – Святослав свет мой Фёдорович Павлов, комсомолец, солдат, изрешеченный вражеской миной, промороженный степью, ослепленный бинтами и кровью больниц, – доверял своё прошлое – чуточку мне, а всё больше тетрадкам: он в атаку водил боевые надежные рифмы и гордился, как собственным Орденом Славы победной, пока что единственной книжкой стихов*.

Постепенно я стал понимать опаленные временем души и угадывал их, и страдал вместе с ними – на Афганской, Чеченской и всех остальных на земле, неизвестных и громких, одобренных кем-то бессмысленных войнах. И одна только мысль ясный день убивала: неужели по мирным законам любви и добра не научится жить человек?.. Видишь, начал я речь о далекой, исчезнувшей древности, а скатился к сраженьям, к войне, что во всех нас, во все времена, незаметным проклятьем засела. И куда ни взгляни – даже если и сгинули напрочь приметы кровавых побоищ, мысль – о них, и глухая тревога – от них. И всё

* Святослав Павлов. «Три цвета». Верхнее-Волжское кн.изд.,

же, на скорости, люди горе свое забывают, чем старше становятся, чаще вздыхают и смотрят в темь, и твердят просветлённо: «Когда это было? Когда это было? Когда?..»

3. КОЗНИ ПАМЯТИ

Исчезают клочками в мутнеющем прошлом улыбки и слезы, безмолвные губы, и шепот, и крики, в извечном движении жизни растворяясь совсем. Только очень уж яркое, резкое возвращается в стертую память множество раз, и далекий, казалось истлевший клочок будоражит сознание больше, чем вспышка звезды. Что упущено? Что не осознано? Что бездарно потеряно? Вот и думай, когда в глубине погребенных событий замерцает забытая быль – словно это:

Я с дружками беспечно иду по асфальтовой глади распахнутых улиц, в нас гуляет вино, мы о чем-то толкуем, смеемся и, кажется, верим друг другу. Ну а как же без этого жить на земле!

За кудрявеньким сквером наткнулись на храм – чудо Божье в мозаике пёстрой, в сплошной позолоте, а на маковках плавных золотые мечи охраняют покой.

Божий храм, словно сказочный терем, войти приглашает, расписные ворота и двери для каждого сердца открыты, и дружок мой, лукавый и быстрый, любитель грехов всевозможных, воскликнул:

«Нельзя пропустить!» – и скользнул под кресты. И другой мой дружок, понахмутив чело, непри-
вычно согнувшись, вслед за ним поспешил.

Ну а я? Что случилось со мной? Мне не сдвинуться с
места! Ладно, все мы – в миру, ладно – знаем гре-
хи и друг другу прощаем, но ведь Божий-то храм –
разве он для таких?!. Показалось мне: сам сатана,
в белоснежной рубашке, в отглаженных брюках,
пробрался в обитель, и – о горе! – сейчас разлетят-
ся священные стены, и пылью ударит в глаза...

Крест кладу: «Боже, Боже, спаси!» – Нет, не падают
стены, и мозаика бодро рябит, и мечи золотые
сверкают. Мне, видать, повезло...

Но устал я, смертельно устал за лихие секунды, тяжесть
чую в поникшей душе и в ногах. На скамеечку
шлепнулся. Близко старушка сидит, вопрошает
внимательным взором и словом: «Что, милок, в
Божий храм не заходишь? Не пускают грехи?» –
«Да, хорошая бабушка, грешен я. Боже, прости!»

Не поверила старая женщина, лишь усмехнулась.
И усмешка её до сих пор не даёт мне покоя. «Но
ведь я не солгал! Боже, Боже, прости!»

...Исчезают клочками в мутнеющем прошлом улыб-
ки и слёзы, безмолвные губы, и шепот, и крики,
в извечном движении жизни растворяясь совсем.
Что упущено? Что не осознано? Что бездарно
потеряно? Вот и думай, когда в глубине погреб-
ённых событий замерцает забытая быль...

4. ПРИТЧА О ЗЕРКАЛЕ

Об этом веселом смешном человеке в серьезном, сугубо расчетливом мире, конечно, не знает никто. Остался он баловнем папы и мамы, наивным капризным ребенком, супы и борщи презирует – ему подавайте варенье, зефир, шоколад. Гуляет один – возле выплесков вольной Невы, и тянется глупый гулёна к студеной, опасной воде. Да кто же рискнёт над холодом долго висеть, а он улыбается, смотрит и смотрит на волны – наслаждается, что ли, то ли плеском и блеском, то ли слушает шорох мелькающих рыб.

Бывает, заглянет ребёнок в музейные залы и бродит вдоль старых полотен часами, впивается взглядом в живые красивые лица усопших и шепчет себе удивлённо: «Неужто взаправду они на земле этой жили – смеялись, дышали, грустили до слез? Хорошо было жить! Так зачем же ушли (вот наивный вопрос!) на погост вековечный? Где-то слышал ребенок: могилы иных заросли, затерялись, – будто не было тела, лица, ни очей, ни улыбки – исчез человек навсегда.

Ах, ребенок! Он знал, где найти утешенье от мыслей горчащих – всего лишь проникнуть в соседние залы, другие полотна найти. А там – песни красок: и яркая осень, и сочное лето, и синь кучерявых небес. Но лучше музеев сама расписная при-

рода, – садился ребенок в автобус и мчался за город, в березовый лес. Валялся в упругой траве, колокольчики нюхал и слушал с доверием точный кукушкин прогноз.

Солнце яркое, щедрое, жить бы да жить! А ребенку для радости много ли надо? Всего-то чуть-чуть – утром встать, поздно вечером лечь без правдивого, самого зоркого в мире свидетеля – без привычного зеркала, колдовского стекла. Уж оно-то откроет всю правду о теле изношенном, уж оно-то покажет, как хищно змеятся морщины! И дитя, не желая учиться, узнает (в бесчисленный раз!) о бешеной скорости жизни и заплачет навзрыд...

5. ЖИЗНЬ ДУШИ

Таинство лизни!.. Как, собственно, плод зарождается – птицы, зверька и любого цветка – знает по школьным учебникам каждый. Лишь явление на свет человека во многом окутано тайной. Мы узнаем потом – где, когда ты, счастливчик, родился (а, может, совсем не узнаем), только мысли, вопросы твои о душе, словно желтые листья в предзимье, слетят без ответа: кто вложил в тебя душу? Мать-отец, коим мы не всегда благодарны? Почему же иная душа, вопреки сокровенным желаньям достойных родителей, вызревает жестокой и злой? И еще «почему»: что за тайный

диспетчер решает – родиться тебе́ (не кому-то другому!) от именно этой супружеской (и не супружеской) пары влюблённых (и пары вообще!)? Кто час указал (месяц, год и столетье) твоего появления на свет?.. А слабость и сила души, паденье и взлёты? Откуда такой перепад?

Немало вопросов. Ответят на них не однажды в глубинах веков дилетант и ученый, но мы не узнаем грядущих сомнений, открытий и можем лишь сами размыслить о чем-то простом. Есть яркие судьбы – поистине звёздные души, большие таланты с могучей отдачей. Есть судьбы другие – в огромном мерцающем звездном пространстве их трудно узреть. Но если направленной мыслью, сердечным стараньем коснуться живой оболочки – душа, как цветок, отогнёт лепестки и впустит в свои закрома.

Думаю, каждый из нас, не отмеченный редким талантом, конечно же, светится собственным редкостным светом; и каждый из нас, как проклятьем, заряжен загадкой – всю-то жизнь ощущает себя, как великую, самую важную тайну изо всех мирозданных тайн. Не берись рассуждать о скромнейшем, совсем неприметном трудяге – он закрытую душу свою лучше всякой другой, самой ясной, до тонкостей знает и чтит.

Вот и я, как вокруг миллионы людей, в глубь себя устремлён постоянно, в днях былых копошусь, воро-

шу то одно, то другое. Разве я, на Земле появившись, устроен не так же, как мыслящий мир?

Стоп! Конечно же, так. И конечно – не так. Ведь известно: явление каждого – чудо земное, ни с чем не сравнимое. Ну а чем же рождение моё может быть интересным? Для меня, как для всех остальных, нет вопроса: я СЕБЕ интересен и СЕБЯ, повторяю еще раз, не устал без конца изучать.

Ну а нужно ли мне, чтобы тысячи тысяч таких же, как я, обо мне что-то знали? А зачем? Я обычный землянин, простой человек. Это самое важное знание. Всё другое, о чем откровенно скажу, будет только раздумьем о собственной жизни; мой нечаянный опыт, движение души в бесконечность покажет: я такой же, как все.

Итак, начинаю с того, что не видел, не знал, но осмысленно слышал. В прошлом веке, в тридцатом году, в узбекский кишлак Сыр-Дарья прислала Россия девчонку-пилота – травить с высоты саранчу, гасить в камышах малярию, и много другой предстояло работы для крыльев По-2. Сюда же, на жаркое летное поле, из русской Москвы прибывает молоденький техник – веселый, кудрявый, цыганистый – в желтой кожаной куртке, в сапожках на модный фасон. Он спец по моторам, следит за здоровьем машины, а девушка-летчик надёжно парит в небесах... Желанные встречи в совместной работе и стали для

двух комсомольцев велением жизни, большою судьбой. На знойной земле, далеко от России, зажглось обоюдное сильное чувство, возникла семья. Вот, собственно, все, что от мамы я знаю. Явление моей оболочки на свет не смущало загадкой: я есть, я живу, я такой же, как все! Однако душа (душа, несомненно, была во младенческом теле) – душа не спешила узнать и запомнить себя. Чуть заметная память еще почковалась, листочки на хрупком побеге, раскрывшись, окрепли потом. Сегодня, осенний, на эти листочки пристрастно гляжу и спешу поделиться: душа многорадостна, многопечальна, многовозвышенна, многопроста; мыслью одной не увидеть огромнейший в бурном движении мир.

Предвижу: и это, и то ускользнет из мозаики. Всё же к самым истокам, в начальное детство, попробую выйти на ощупь в сплошной темноте. Я плачу от страшного горя: меня покидают, один не хочу оставаться, возьмите с собой! Тянусь за отцом – он куда-то уходит, душа поднимается выше и выше, в бездонную синь. Ага, это мама, я с ней в самолёте, в открытой кабине. Бьёт бешено ветер в стеклянную грудь козырька; если вниз не смотреть, догадаешься: крылья царапает скорость. Высота, высота! – величавое счастье души.

Но прощайся со счастьем! Посадка на бренную землю. Бабка мучать начнет неуёмным, тягучим,

каким-то пронзительным стоном: «Ой, ноженька, бедная ножка моя!» Мне никак не забыть эту бабку, несчастную, громкую, – к ней на время полетной работы мама водила меня. Стенающий голос из прошлого века как будто бессонно дежурит – душа цепенеет, заслышав рыдание, плач...

С годами зовущая высь утверждалась в душе, словно синь над землёю. Небесное сильное чувство в себе я назвал, как его называют поэты – живым вдохновением. Вдохновенно ребенком я солнце, луну рисовал, облака, самолёты. Вдохновенно дивился таланту отца – он великий художник! Как точно и сочно мазками кладёт акварельные краски – вся жизнь превращается в яркий букет! Стремясь в высоту, жизнь открыла подростку слова и не просто слова – я осваивал рифмы и ритмы, а совсем повзрослев, погрузился, как в море Садко, в корректуру и книги. Но о красочных тайнах земли тосковала душа, и на помощь спешили этюдник и кисти. С другом Пашей, художником, мы отправлялись за город, в кишлак, ловили закаты на теплых от солнца дувалах*. А позже и сам я в исконно российских краях любил рисовать по-над Нерлью в Добрынском-селе**. Но больше всего привлекали пейзажи на Болдинской старой дороге, в селе материнском Ап-

* Дувал – глиняный забор.

раксине*, за лесом на Пьяне-реке. Здесь было над чем поразмыслить и чем восхититься, и рассмотреть тропы, которыми Пушкин проехал верхом. На взгорке за речкой кружил я особенно много – когда-то белел здесь колоннами барский ухоженный дом. Сюда, к Новосильцевым, мимо церквушки и громкой звонницы (которых давно уже нет) являлись, как праздник в печальные дни, прославленный русский поэт и великое русское слово.

Я много о Пушкине думал, о русской нелегкой судьбе... На северном лютном ветру на болотах под Санкт-Петербургом, конечно, совсем не случайно меня жизнестойкость сосны потрясла. О, гордость песчаных земель – корабельные сосны! В любом, самом скромном бору – налитые ярко-оранжевым солнцем красавицы! А здесь? Не поверить глазам, не поверить рассудку: извиваются в вихре какие-то звери и птицы, и змеи, и чудища, и кто-то ещё – подойди, приглядишься! Подошел, пригляделся – и ахнул: русалка на гибких ветвях, кот ученый от важности замер, Черномор с бородой, а поодаль, в тени, затаился поэт... Не простое видение, и не просто деревья загадочно выгнулись, в них таится душа и порыв откровенный, беспокойному миру желающий что-то сказать. Жаль мне: где-то на жизнен-

* Село в Нижегородской области.

ной трассе растерял я – уставший, седой – и умелые кисти, и нужные краски, и холст настоящий создать не смогу. Но нельзя же оставить векам на съедение тайну, я обязан помочь потаённой душе!.. Добываю ножовку, резцы, с непривычки кровавлю ладони и пальцы, но дело идет!

Только я произнес с удовольствием «Дело идёт!», как почувствовал скорость полёта: я в Союзе художников Питера – выставка, Пушкину-200, две скульптурки, в соавторстве с северной флорой, обрели постамент. Но это не все! Александр Сергеевич мощно раздвинул пространство и время, и душа прикоснулась к другим непогасшим сердцам. Я увидел Андрея Рублёва, живописца, радетеля Божьего за согласие в веках; в древнем Суздале, за стеною Покровской обители, плач души услышал оскорблённой княгини*, а в смурном Петербурге – убиенного Павла Петровича** праведный стон...

Я летел над Россией, над всею Землёй, я думал о чуде: всего-то танцует сосна на болотах, всего-то закрученный вихрь – а танец-то вещей, в движении каждом возвышенный смысл... Опять и опять вспоминаю про скорость, влекущую душу куда-то в глубины времен. На школьном прощальном балу я вальсирую плавно. Танцую фокстрот су-

* Княгиня Соломония, XVI век.

масшедший на клубных танцульках (теперь – дискотека!), меня отчаяний ритм на «Арабское танго» и вальс благородный – бостон.

Пылают костры на краю кишлака, где студенты (и я среди них) поют и танцуют под бубен и звонкий дутар. И танец свободный по кругу, и песня с восточной душою бодрят хлопкоробов – им завтра с утра до заката пахту* собирать. Я, помнится, с болью подумал тогда: в России вот так не поют, не танцуют. Конечно, частушки... Конечно, припляски... В застолье, конечно, раскроется голос и скрытый талант... И всё же не то, что я видел в азийской глубинке, в обычном узбекском селе...

Прикоснулся я, кажется, к вечному свойству души, о котором сказал бы – желанное пламя! Миллиарды людей что-то в жизни упорно хотят, и ведет их земными путями надежда. Как рождается это стремление живых? Правил нет, тьма причин зажигает желанье. У меня, например, засветилось внутри неожиданно, ярко-зеленой ракетой – как на взлетной площадке. Я впервые из южного края попал в незнакомую Русь.

О, какая луна восходила над клубами синих берез! Я подобной лунищи на щедром Востоке не видел. Крупнозвездное небо не сводит мерцающих глаз с пацана и его беспокойной, заботливой тётки. Это мы на Ужовке покинули душный вагон

*Пахта (узб.) – хлопок.

и спасенно вдохнули ночную прохладу. В зал, набитый битком, ночевать не пошли и решили машину до Болдина ждать на лужайке.

Осторожный рассвет обнаружил седую росу в лопухах и фонтанчики буйной крапивы, а поодаль – просёлок с ершистой травой. Загремел грузовик; запыхтел, выползая откуда-то с улицы, крашенный мятый автобус. Из вокзального здания кинулись сонные люди: кто с мешками – в пустой, отороченный досками кузов; кто полегче – в автобусный рай прошмыгнуть. Мы едва уместились среди возбужденного люда на чьих-то узлах. Наконец-то затрясся, поплыл сухопутный кораблик по дорожным волнам, с двух сторон то березы, то ёлки приветливо льнули к стеклу. Ух, как здорово! Красотища какая! Остальные зевают, гогочут, не видя её...

Часа через два доругили до Болдина и попали, как точно сказали бы в Азии, на огромный базар. Дед Василий Иванович, мамин отец, встретил нас, прослезился на радостях и повёл за собой вдоль торговых телег. Поросята, цыплята, горшки, топоры... Столько всякого дива на площади – всё не увидеть, это будет в другую субботу, потом. Мы садимся в телегу, на мягкое сено, и Василий Иванович чувственно трогает лошадь: «Ну, Каурка, домой!» Это значит – в Апраксино, где когда-то жила моя мама, это значит, я

скоро увижу родное село... Я отметил на мысленной карте своей эту лучшую в жизни дорогу – мимо сада (где Пушкин не только гулял, но, конечно, стихи сочинял), мимо кладбища (козны позднего времени: кладбища нет), мимо знойных, пронзительно желтых разливов цветущей гречи-хи, мимо рослых, усатых пшеничных полей...

Я не повесть пишу о давнишней поездке в деревню, а хочу лишь лучше увидеть истоки нелегкой, как потом оказалось, но стойкой мечты. Ликовала душа и носилась над новой, открытой землёю, как ласточка, – и с годами, уже на повышенной скорости, притяжение прекрасному лишь возросло. Я по лугу ходил, и душа припадала к медвяной траве и невиданным лютикам; замирала в лесу от небесного голоса крохотной птахи; низко кланялась в поле согбенным крестьянам, их сильным рукам. Но душа удивлялась: в красивом селе что-то было не очень красиво – от зари до зари люд колхозный трудился, а в усталых избушках откровенная бедность жила. Почему-то и слишком худое случалось – сам себя убивал то веселый пастух, то добрейший мужик, то мальчишка в угаре хмельном...

Разум мой говорил городской беспокойной душе: «Разве мало примеров? Ну куда ты глядишь и глядишь? Позаботься о теле. Без работы, без хлеба оно пропадет, вместе с ним и тебя ожидает

погибель». Медлил я, чуть стал ускорение, тело дряхлело; наконец, я привычные пути содрал – перебрался в Россию, но апраксинским жителем так и не стал. Пометавшись в сомненьях, душа согласилась: всё твоё – и деревня, и город: ты вернулся домой!

Повторюсь: прикоснулся я к вечному свойству души – не сдаваться, лететь за мечтою. У меня было именно так, может быть не для всех интересно, – миллионы людей испытали покруче, намного трагичней, больней. Я бы слушал биенье сердец, без конца восхищался: «Смелый, нужный полёт! Если в жизни рутинной, веками сложившейся жесткой системе, возможно стремление, значит, жив человек и жива молодая душа!»

Я готов с упоением следить за дыханьем былым, выявляя оттенки малейших подъемов и спусков, но всерьез опасаюсь дроблёнкой прекрасную суть завалить – правда жизни мелькнет, пропадая, всего лишь крупинкой. Возвращалась душа в недалёкое прошлое (век минувший и век девятнадцатый – разве так далеко?), ей хотелось почувствовать предков своих – и униженных бедностью, и погубленных сгинувшей властью, – пообщаться по-свойски, напрямки расспросить: что же в людях случилось, почему не могли устоять?

О, как помнит душа все обиды свои, все свои поражения! Как неистово жаждет опять и опять обнару-

жить сердечный порыв, доброту! Да и много других потаённых тропинок, по которым привычно блуждает доверчивый дух...

Но сейчас не об этом пристрастный рассказ – не могу я в пути скоростном быть подробным. Ускоренье бы сбросить, чуть-чуть отдохнуть; но скорость нужна, остановка в полёте опасна, вот если бы брэнное тело могло не стареть!..

Я опять поведу разговор о себе, зная тонкости жизни своей лучше всех на планете. И начну с величайшей тоски и сладчайшей улады – с вековой, таящейся в каждом землянине жажды любви. Помню точно, когда полыхнула душа беспощадным пожаром: мне тринадцать, ЕЙ, кажется, столько же, только возраст совсем не при чем! Виновата она, эта страшно красивая девочка с белозубой загадкой на лучистом лице. Как танцует она! В ярких бликах костра – лучше всякой артистки! На пуантах по кругу снежинкой летит! Да, снежинкой. Я сам среди лета почувствовал холод – красивая девочка на меня не глядит! А было такое начало! Несравненная, нежная чудо-улыбка – не какому-то парню, а избраннику, мне! Заметалась душа, непривычно заняла, значит нужно поближе к любимой моей подойти! Стал я встречу искать, возле дома её деловито слонялся часами, а заведя знако-

мое платье, каменел от тоски. Вдруг обидится? Вдруг меня не поймет?..

К счастью, вспомнил: мечта моя любит кино, сеанс проследить возле кассы нетрудно; билет незаметно куплю и, быть может, как будто случайно, рядышком сяду... Ура, в наступленье! Волнуюсь и жду. Одно воскресенье пропало – она не явилась. В другой выходной... и похуже того – она то пришла, да пришла, как назло, не одна, а с высоким задиристым парнем... Что же делать прикажете мне? Духом всё же не падаю. Верю в удачу. Опять караулю Её возле милых дверей... Вдруг откуда-то сбоку она вылетает и звонко кричит: «Ты опять?!. Уходи!..» Разболелась душа – тут уж всё, несомненный конец. Как теперь, одинокий, печальный, буду жить на земле?

Я вздыхал о строптивой девчонке три года. А потом как бы в Космос пробился – ощутил пустоту... (Залетев в невозвратную старость, я случайно узнал: эта девочка, ныне бабуса, царица большого семейства, в Ярославле живёт. Иногда я о ней вспоминаю, превращаюсь в мальчишку и, кажется, тайно люблю. Но как только ворвётся её голосочек из прошлого – всё зальёт чернота).

Невесомость спасала: я почти не печалился, быстро вырослел. На цветущей и грешной земле, превратившись в студента, я вдруг понял: душа не погибла, жизнь моя начинается только сейчас!

Я нечаянно встретил... не девушку, нет, а само совершенство природы. Энергичная, сильная, нежная, между нами – преград никаких; вседержавная женственность сразу меня покорила – я проснулся в горячее, юное утро в объятьях любви. «В ЗАГС немедленно! – требую. – Будем строить семью по закону!» Так я верным, счастливейшим мужем неожиданно стал, и душа, захмелев, вознеслась выше неба.

Жизнь летит и на скорости душу швыряет на острые камни. Ух, как больно! Горючие катятся слезы: дорогая жена, беспечальная радость моя с кем-то тайный роман закрутила. Разобрались, поверил в её невиновность. Оказалось, напрасно поверил – надвигались сюрпризы, еще и еще!

Я опять в невесомости, оторваться хочу от измен и предательств, возродиться, поверить в любовь, в чистоту! Есть же души невинные, светлые, чуждые грязным порокам! И ко мне, как по зову, явилась святая душа... Молчаливая, милая, скромная девушка! Ей-то как не поверить – ведь она же обманута парнем сама! Настоящая, крепкая будет семья!

Въём гнездо, жизнь быстрее летит и быстрее. Я доволен, беспечен, но чувствую – что-то сломалось во мне: я не только с волнением гляжу на жену, но и вижу другие прекрасные лица... Да всё чаще взлетаю, по небу хожу далеко от семьи...

Думал я – понимает смятенную душу жена. Но плачевный итог показал – я опять ошибался: четверть века минуло, и вот объявила она, что имеет полнейшее право на счастье с другим – долгожданным, любимым...

Заметалась душа, как в далёкие юные годы, но теперь невесомость была и чужда, и страшна...

Всё, поставлю огромную жирную точку в длинном рассказе и банально скажу: время лечит, а жизнь всё быстрее летит! Не могу замыкаться на собственном «я», есть (еще и еще повторяю) люди сильной души и великой судьбы! Вот о них бы побольше узнать и прославить, и яркие искры в грядущую ночь занести!

6. АПОКРИФ О ВЕЛИКОМ ОЖИДАНИИ

Иисус Христос, Добрейший из Богов, от распрей на Земле устав смертельно, призвал Отцов Небесных на Совет и обратился к Ним с призывным Словом. Он умолил, Он убедил Владык – настало время всем объединиться: мир и согласие здесь, на Небесах, конец положат кровожадным спорам.

Совет Всевышних возвестил: «Да будет мир – для всех, во все века, во всей Вселенной!» На Землю грешную посланья снизошли, виденья хлынули, воспрянули Пророки.

Добрейший из Богов заметил луч и был готов возрадоваться солнцу, но вдруг открылся взору бой в горах, а за горами – драки и сраженья. Он ощутил, как резко заболели пробитые гвоздями кисти рук. Он очи опустил, и содрогнулся. И понял: где-то рядом сатана!

Да, сатана. Лукавый объявился, с ухмылочкой изрёк: «Увы, не я! Послушайте людей, запомните их мысли, увы, слова произношу не я!»

Кричали грозно, хрипло, без разбору, со всех сторон неистово несло: «Ты рыжий, а я рыжих не терплю!..», «Кто вы? Зачем? Откуда? Убирайтесь!», «Он, только Он ниспослан для людей!..»

Добрейший молча слушал и страдал, и в мыслях сокровенных утверждался: «Жаль, слишком быстро течен человек, не успевает осознать ошибки и сатану в поступках разглядеть...»

Стал думать Бог, чем сирому помочь, как уберечь от чванства и амбиций? От жадности и зависти тупой, от жажды превосходства, отомщенья?

Он там теперь, где выстрелы гремят, где жизнь кромсают бомбы и снаряды. Погибший мир с него не сводит глаз, а мир живущий ожидает чуда...

7. ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ

Великая, грозная цифра – 500 миллионов! Столько пылающих лет отпущено жизнью для Солнца;

500 миллионов нехоженных верст для людей на Земле!

Может быть, по законам летящего времени, не так-то уж много и не так-то уж страшно? Затяжной марафон?

О путях человеческих – беспредельных и самых коротких – размышляли правители древности и пытались наивно устройство земное менять. Аристотель, мудрейший философ, наставник и друг Алесандра, не учил же владыку народы себе подчинять ради славы! Если распри кровавые, если грызутся, съедая друг друга, сатрапы, если гибнут цветущие царства под натиском диких племен, не лучше ли глупость, вражду обуздать и мощью живою уверенно двигаться в вечность!.. Не была ли попытка мечом и порядком сплотить Человечество? Может быть, и была; и тогда, может быть, о неслыханном подвиге этом говорят вековые платаны в Ургуте!

Македонский, наверно, так прямо, так трезво о судьбе Человечества, о движении в Вечность думать не думал. Мысль, родившись насущной догадкой, тяжело выбиралась из дебрей народных страданий, бессмысленных войн и созрела лишь в наши опасные, сложные, хитроумные дни. Задыхаясь в заботах о хлебе насущном, замыкаясь в своих представлениях о мироустройстве, Человек верным, любящим сыном всего Человечества так и не стал.

Не только, наверное, мне мерещатся скорбные хайку:

Пятьсот миллионов лет!
Солнце иссякло, Земля завяла
Куда полетят журавли?

Пятьсот миллионов лет!
Полет эволюции?
Бомба глупца?

Слишком мало веков за плечами живущих, ведь чужая история никому не урок. Люди будут учиться! Люди будут стараться! Впереди – миллионы удивительных лет! Скорость жизни глаза не затмит им, стремящимся в вечность; мы землян обновлённых узнаем навряд ли и язык изменившийся вряд ли поймем... Я люблю их, я ими горжусь – это наши потомки, мне приятно желать им большого пути!

Открываю альбом и, как в детстве, заветные думы рисую. Над Землёю – погасшее Солнце, а рядом – его заменивший вселенский Светильник – создание ума и талантливых рук. Погасшее солнце теперь – как подарок судьбы Человечеству – сверкающий гранями самый гигантский алмаз. Стараются люди и множат, шлифуют караты и громко смеются: «Ну что нам пятьсот миллионов! Осилим пятьсот по пятьсот!»

Рисую красивую нашу физичку, зачем-то пишу:
 v – скорость, s – пройденный путь, t – время в пути...